

εὐχάριστος ἐγείρει ἀνδρὶ δόξαν, т. е. *жена благодарная приноситъ мужу славу*, вмѣсто: *благопріятная*. Мы, кажется, сдѣлали бы насиліе надъ словами Писанія, рѣшительно принимая переводъ: *благодарная жена* вмѣсто: *благопріятная*, если бы и прочія изданія св. книгъ не совпадали съ нашимъ мнѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, Акила и Θεοδοτίωνъ, и Симмахъ употребили γυνὴ χάριτος, т. е. *жена благопріятная*, а не εὐχάριστος, что относится къ дѣйствіямъ благодати.

Стихъ 5: *Но знайте то, что всякій блудодѣй, или нечистый, или жадный, потому что онъ служитъ идоламъ, не имѣетъ наслѣдія въ Царствѣ Христа и Бога.*— Должно замѣтить, что запретивши выше шесть пороковъ: блудодѣяніе, нечистоту, жадность, позорныя дѣянія, глупыя рѣчи, шутовство, теперь онъ указалъ только три: блудодѣяніе, нечистоту и жадность; если кто въ нихъ виновенъ, то не можетъ имѣть наслѣдія въ Царствѣ Божіемъ и Христовомъ. Дѣйствительно, если бы такимъ же образомъ говорящій глупыя рѣчи и шутъ были чужды Царства Божія, какъ и тѣ три, которыхъ онъ особенно выдѣлилъ, то приговоръ показался бы жестокимъ и не соотвѣтствующимъ человѣческой немощи: такъ какъ сказанное въ шутку уже служить къ нашему осужденію, потому что, *кто не согрѣшаетъ въ словахъ, тотъ совершенъ* (Іак. III, 2). Но и говоря такъ, мы не отводимъ мѣста глупымъ разговорамъ и шутовству; тѣмъ не менѣе хотя у Отца есть многія обители, т. е.: хотя кто-либо и чуждъ блудодѣянія, нечистоты и роскоши, однако, если такой будетъ также говорить глупыя рѣчи и обнаруживать склонность къ шутовству, то не удержать того мѣста, которымъ онъ имѣлъ владѣть, если бы не имѣлъ этихъ пороковъ. Но кто-нибудь отвѣтитъ: „Пусть такъ! Глупыя рѣчи и шутовство не связаны съ такою же отвѣтственностію, какъ блудодѣяніе, нечистота и жадность, но развѣ не слѣдовало бы вмѣстѣ съ этими тремя указать и позорныя дѣла? На это должно сказать, что подъ позорными дѣлами здѣсь показы-

вается скрытое помышленіе, когда умъ нашъ возбуждается въ похоти и когда раздраженіями плоти разжигается пылкая душа и не обуздывается ни страхомъ Божиимъ, ни воспоминаніемъ о судѣ. Наконецъ, и выше Апостолъ назвалъ одинаково три порока безъ упоминанія о позорныхъ дѣлахъ: *Но блудодѣяніе и всякая нечистота и жадность пусть даже и не называются между вами*; да и потомъ безчестіе указано вмѣстѣ съ глупыми рѣчами и шутовствомъ; и какъ глупыя рѣчи и шутовство навсегда исключаютъ изъ Царства и губятъ человѣка, такъ и эти позорныя дѣла. Но такъ какъ въ вышеприведенныхъ словахъ: *Чтобы онъ не обходилъ и съ жадностію не обманывалъ на дѣль брата своего* (1 *Тессал.* IV, 6), мы сказали, что жадность поставлена вмѣсто блудодѣянія, то спросимъ о томъ, что теперь говорится въ словахъ: *или жадный, который служитъ идоламъ*: согласно ли это съ вышеуказаннымъ, или съ обыкновеннымъ пониманіемъ. Въ весьма многихъ мѣстахъ, пророковъ мы находимъ, что идолослуженіе названо блудодѣяніемъ: *Будутъ блудодѣйствовать*, говоритъ онъ, *по слѣдамъ идоловъ своихъ* (Ос. IV, 12) и: *Духомъ блудодѣянія они прельщены*. Итакъ, блудодѣяніе можетъ быть понято и выше въ значеніи идолослуженія. Но если подъ жаднымъ разумѣется тотъ, который, собирая какъ бы то ни было деньги, желаетъ законно и незаконно имѣть монеты и наслаждается полнымъ кошелькомъ, то таковой идолопоклонникъ въ томъ смыслѣ, что онъ поклоняется самому изображенію монеты и почитаетъ въ нихъ скрытыхъ идоловъ. Какъ богомъ людей прозорливыхъ является чрево, такъ по справедливости богомъ жадныхъ могутъ быть названы деньги, особенно когда Апостолъ въ другомъ мѣстѣ называетъ жадность идолослуженіемъ. При этомъ должно посмотреть, что имѣлъ онъ въ виду, говоря: *въ Царствѣ Христа и Бога* (1 *Коринт.* X). Развѣ царство Христа одно, а царство Бога—другое? Или царство Отца и Сына одно и то же? Но если быда же онъ сказалъ: *въ Царствѣ Сына и Отца*,

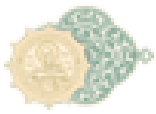
то мы вѣдь чрезъ Сына приходимъ къ Отцу, и хотя существуетъ различіе Божественныхъ Лицъ, однако величество царствующихъ одно и то же. Но когда онъ сказалъ: *Въ Царствѣ Христа и Бога*, то мы должны понимать самого Бога и Христа, потому что, даже когда Онъ передастъ Царство Богу и Отцу, не Отецъ будетъ во всѣхъ, а Богъ будетъ во всѣхъ во всѣхъ. Но гдѣ есть Богъ, тамъ должно разумѣть, какъ Отца, такъ и Сына. Наконецъ, что мы говоримъ объ Отцѣ и Сынѣ, то также должны имѣть въ умѣ и о Святомъ Духѣ.

Стихъ 6: *Никто да не обольщаетъ васъ пустыми словами, ибо ради нихъ приходитъ гнѣвъ Божій на сыновъ недовѣрія.* — Слова, которыя обманываютъ и являются преградой, суть пусты и безсодержательны. А тѣ, которыя назидаютъ слушающихъ, бываютъ полны смысла, изобильны и сжаты. Итакъ вслѣдствіе того, что есть очень многіе, которые говорятъ, что наказаній за грѣхи не будетъ и не будетъ внѣшнихъ мученій; но самый грѣхъ и сознаніе проступка будетъ вмѣсто наказанія, ибо не умираетъ червь въ сердцѣ ихъ и въ душѣ ихъ разгорится огонь на подобіе лихорадки, которая мучитъ больного не внѣшнимъ образомъ, но терзаніями наказываетъ самое тѣло безъ прибавленія внѣшнихъ терзаній. Итакъ, пустыми и безсодержательными словами онъ назвалъ тѣ уговоры и тѣ обманчивыя уловки, которыя, повидимому, имѣютъ нѣкоторый блескъ краснорѣчія и льстятъ грѣшникамъ, но, внушая имъ довѣріе, онѣ скорѣе увлекаютъ ихъ къ вѣчнымъ наказаніямъ. Дѣйствительно, Богъ ни на что такъ не гнѣвается, какъ на превозношеніе грѣшника, когда онъ съ холодною гордостію высокомерно не склоняется къ плачу и не проситъ о милосердіи за грѣхъ, *ибо за это приходитъ гнѣвъ Божій на сыновъ недовѣрія*, или не поддающихся убѣжденію, потому что слово ἀπειρία можетъ быть лучше понято, какъ неуступчивость *убѣжденію*, чѣмъ въ противоположномъ значеніи *довѣрія*; а сынами, не

склонными къ убѣжденію, или сынами недовѣрія, называются они такъ же, какъ и сынами погибели, и сынами блудодѣянія, и сынами смерти, и сынами геенны и проч., что весьма легко можетъ быть найдено въ различныхъ мѣстахъ Писаній.

Стихъ 7: *Итакъ, не дѣлайтесь соучастниками ихъ.*—Сообщникомъ (particeps), или соучастникомъ (comparticeps) сыновъ невярія бываетъ тотъ, кто является [виновнымъ] въ блудодѣянїи и въ нечистотѣ, и въ жадности, за чтó приходитъ гнѣвъ Божій на сыновъ невярія. А сообщникомъ ихъ онъ бываетъ потому, что принимаетъ участіе и имѣетъ общеніе въ злыхъ дѣлахъ; а соучастникомъ является въ отношеніи къ тому, кто бываетъ участникомъ съ другими, такъ что въ этомъ словѣ разумѣется и сообщникъ. Но въ сообщникъ не всегда заключается соучастникъ. Тщательно различай слова *сообщникъ* и *соучастникъ*, ибо, по моему мнѣнію, въ священномъ Писаніи слово *сообщникъ* понимается всегда въ добромъ значеніи, а *соучастникъ*—въ дурномъ: *Посему помазалъ Тебя, Боже, Богъ Твой елема радости больше сообщниковъ Твоихъ* (Псал. XLIV, 8) и въ другомъ мѣстѣ: *Ибо мы сдѣлались сообщниками Христа, если только до конца будемъ держать твердыма начало сущности* (substantiae) (Евр. III, 14). Затѣмъ я не помню, чтобы гдѣ-либо читалъ,—вромъ настоящаго мѣста,—слово *соучастникъ*; но очевидно, что здѣсь оно употреблено не въ хорошемъ значеніи, а въ смыслъ противоположномъ.

Стихъ 8: *Ибо никогда вы были тьмою, а теперь вы—свѣтъ въ Господѣ.*—Если возможно, чтобы тьма обращалась въ свѣтъ, то не существуетъ природы, которая погибаетъ и не можетъ получить спасенія, какъ полагаютъ нѣкоторые еретики. Посему спросимъ тѣхъ, которые это выдумываютъ: „Всѣ ли нечестивые суть мракъ или нѣтъ?“ Въдь изъ нихъ нѣкоторые хотя и называются по причинѣ злобы мракомъ, однако теперь, обратившись къ лучшему, называ-

ются свѣтомъ въ Господѣ. Но, какъ праведные суть свѣтъ міра, такъ нечестивые назовутся соотвѣтственно сему (consequenter) мракомъ. И въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ праведные суть свѣтъ, то они увидятъ свѣтъ въ свѣтѣ, а такъ какъ неправедные суть мракъ, то они—народъ, сидящій въ тьмѣ и ничего не видящій. Раздѣленіе и различіе ихъ между собою мы видимъ по плодамъ, потому что всякій, дѣлающій зло, ненавидитъ свѣтъ и не приходя къ свѣту является мрачнымъ и есть сынъ ночи и мрака. А кто трудится для истины, и приходитъ къ свѣту, тотъ свѣтъ есть и сынъ дня и свѣта (Іоан. III, 20, 21). Но сіяющіе и мрачные распознаются по свѣту или мраку сердца. На это ты скажешь: „Не говорится ли о праведныхъ: *А нынѣ они суть свѣтъ въ Господѣ* для различія отъ тѣхъ, которые суть свѣтъ, но не свѣтъ въ Господѣ? Но объ Ефесянахъ, которые дошли до высокой степени (summa) познанія вполне справедливо пишется, что они свѣтъ въ Господѣ. Впрочемъ, и не самый мракъ обращается въ свѣтъ, или свѣтъ измѣняется въ мракъ; а это тѣ, которые заслужили названіе добродѣтели, или порока отъ того, чѣмъ они являются; а если они обратятся изъ одного въ другое, то будутъ имѣть своимъ удѣломъ или названіе свѣта, или мрака, соотвѣтственно качествамъ (δυνάμεις καὶ ἰσχύες), которыя имѣютъ.

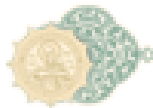
Ходите какъ чада свѣта.—Если Богъ есть свѣтъ и въ Немъ нѣтъ тьмы, то сыны свѣта суть сыны Божіи; также если Христосъ есть истинный свѣтъ, то и сыны Его, къ которымъ Онъ говоритъ: *Дѣти Мои, еще немного Я остаюсь съ вами* (Іоан. XIII, 23), суть сыны истиннаго свѣта. Изъ этого слѣдуетъ (colligitur), что сыны Бога Отца тѣ же, что и сыны Иисуса Христа.

Стихъ 9: *Ибо плодъ свѣта является во всякой благодати, справедливости и истинѣ.*—Мы выдвигаемъ это свидѣтельство противъ Маркіона, который отдѣляетъ Бога правды отъ Бога благаго, и говоритъ, что Творецъ есть справед-

ливый, а другой,—мнѣ неизвѣстно какой—сынъ Котораго есть пришедшій Христосъ,—есть Богъ только благой. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь плодъ свѣта является не только въ благодсти, но и въ правдѣ, и въ истинѣ. Итакъ, гдѣ есть благодсть, тамъ есть и справедливость, а гдѣ справедливость, слѣдовательно, тамъ и истина. Итакъ, у благаго Отца Христова, какъ сознаются и сами они, есть истина и благодсть. А гдѣ есть благодсть и истина, у того самаго, а не у другого, есть, какъ нынѣ учить Апостолъ, и справедливость. Пусть Маркіонъ пойметъ также, что и самъ Христосъ называется благодстію, истиною и справедливостію. Благодстію потому, что Онъ не по дѣламъ, а по милосердію подаетъ благодать вѣрующимъ; а правдою въ томъ, что онъ каждому воздаетъ то, что онъ заслуживаетъ; наконецъ, истиною—въ томъ, что только Онъ знаетъ причины всѣхъ твореній и вещей.

Стихъ 10: *Испытывая, что благоугодно Богу.*—Все должно дѣлать съ разсужденіемъ, чтобы съ осторожностію и заботливо дѣлать только то, что,—какъ мы знаемъ,—угодно Богу, подобно благоразумному мѣняльщику денегъ, который испытываетъ монету не только по виду (*oculo*) но и по вѣсу и по звуку. Но такъ какъ въ этомъ мѣстѣ порядокъ расположенія мыслей, повидимому, нарушенъ и весь отрывокъ какъ будто съ излишкомъ переполненъ (словами), то, какъ мнѣ думается, рѣчь можно возстановить въ такомъ видѣ: „Итакъ, не будьте соучастниками ихъ, испытывая, что благоугодно Богу, ибо хотя вы нѣкогда были мракомъ, но теперь вы—свѣтъ въ Господѣ, ходите, какъ сыны свѣта, обнаруживая плоды свѣта во всякой благодсти, правдѣ и истинѣ“.

Стихъ 11: *И не приобщайтесь къ безплоднымъ дѣламъ тьмы.*—И въ посланіи къ Галатамъ Апостолъ представилъ плодъ въ духѣ, а дѣло—въ плоти, говоря такъ: *Но дѣла плоти явно извѣстны, это суть блудодѣяніе* и проч. (*Галат. V, 19*); *А плодъ души есть любовь, радость, миръ* (ст. 22) и проч. Затѣмъ въ настоящемъ мѣстѣ онъ

назвалъ дѣла тьмы безплодными; кто дѣлаеть ихъ, тѣ соеди-
няются въ одно общество.

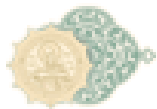
Но болѣе и обличайте. — Среди прочихъ повелѣній имѣть возможность обличать согрѣшающихъ является дѣломъ величайшей свободы. Но это можетъ дѣлать только тотъ, кто не заслуживаетъ услышать: *Лицемеръ! выбрось прежде сучокъ изъ глаза своего, и тогда можешь выбросить бревно изъ глаза брата твоего* (Лук. VI, 42). Посему то пророки, не оскъверненные никакою мерзостью грѣховъ и не имѣющіе запятнанной совѣсти могли обличать другихъ, впадающихъ въ грѣхи. Поэтому должно замѣтить, что обличать можетъ только тотъ, кто самъ не обличается въ себѣ самомъ.

Стихъ 12: *Ибо позорно и говорить о томъ, что дѣлается ими въ тайнѣ.* — Мнѣ кажется, что здѣсь нѣтъ связи рѣчи, такъ что сказанное теперь не зависитъ отъ выше-сказаннаго, и невозможно узнать, къ кому это должно быть отнесено, если только не указать на перестановку вышесказаннаго и не связать этихъ словъ съ сынами недовѣрія, чтобы можно было изъяснить такъ, что дѣлаемое въ тайнѣ сынами недовѣрія позорно и рассказывать, — это именно: блудъ, нечистота и всякая жадность.

Стихъ 13: *Но все обличаемое дѣлается очевиднымъ отъ свѣта, ибо все являемое есть свѣтъ.* — „Все“, несомнѣнно, что это дѣлаемое въ тайнѣ сынами недовѣрія, ибо это по обличеніи дѣлается очевиднымъ отъ свѣта. Но свѣтъ обличаетъ то, что прежде было мракомъ, и уже послѣ того сдѣлалось свѣтомъ въ Господѣ; такъ что чрезъ обличеніе оно становится лучшимъ, и въ измѣненномъ видѣ является все-народно, и какъ общензвѣстное (*publicata*) становится свѣтомъ, ибо все очевидное есть свѣтъ.

Стихъ 14: *Посему снъ говоритъ: „Встань, спящій, и воскресни изъ мертвыхъ, и просвѣтитъ тебя Христосъ“ [или: взойдетъ для тебя Христосъ].* — Такъ какъ дѣла мрака, обличенныя свѣтомъ, являются на свѣтъ, то послѣ измѣ-

ненія обличеннаго, людямъ спящимъ и мертвымъ говорится, — потому что они дѣлали дѣла мрака: *Встань, спящій, и воскресни изъ мертвыхъ*. Можетъ быть, кто-нибудь спроситъ: „Кто это говоритъ? или: „Чьими словами воспользовался Апостолъ?“ И тотъ, кто довольствуется простымъ отвѣтомъ, скажетъ, что онъ представилъ здѣсь вычитанное въ сокровенныхъ пророкахъ, — какъ дѣлалъ это, — что до очевидности извѣстно и изъ другихъ мѣстъ, — и не потому, что онъ одобрялъ сокровенныя [писанія], но потому, что онъ пользовался и другими стихами Арата и Эпименида, и Менандра для доказательства желаемой мысли въ извѣстное время. Однако онъ не засвидѣтельствовалъ этимъ, что свято все, что они ни писали, хотя и утверждалъ, что нѣчто они сказали вѣрно. А другой, можетъ быть, будетъ думать, что Апостолъ представилъ здѣсь какъ бы олицетвореніе Святаго Духа, и скажетъ, что это является убѣжденіемъ къ покаянію. А я, по убожеству своему, послѣ тщательнаго пересмотра всѣхъ изданій древнихъ Писаній и даже самихъ Еврейскихъ свитковъ, нигдѣ не нашелъ этого изреченія. А можетъ быть намъ слѣдуетъ сказать, что какъ въ древности пророки говорили въ собраніи: *Такъ говоритъ Господь* и: *Такъ какъ говоритъ Господь*, такъ и нынѣ Апостолъ, исполненный Духа Святаго внезапно взялъ и высказалъ слова, которыя въ немъ говорилъ Христосъ: *Такъ говоритъ Господь*. Кромѣ того необходимо разсудить и о томъ, какимъ образомъ одному и тому же говорится и, какъ живому: *Встань спящій*, и, какъ мертвому: *И воскресни изъ мертвыхъ*? Это потому, что въ человѣкѣ есть и духъ, который, — какъ мы говорили, — всегда принимается въ хорошемъ значеніи, и душа, которой, — какъ мы читаемъ, — усвояются немощи и смерть грѣшниковъ; такимъ образомъ, настоящія слова: *Встань, спящій* слѣдуетъ отнести къ духу, а слѣдующее: *Воскресни изъ мертвыхъ* должно усвоить душѣ, ибо *Душа, которая согрѣшитъ, умретъ* (Іезек. ХVШ, 4). Но мы рѣшительно никогда не читали о смерти

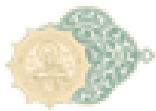

духа. Итакъ, Христосъ, истинный свѣтъ, взойдетъ надъ тѣмъ, который всталъ отъ сна и воскресъ изъ мертвыхъ. Я слышалъ нѣкогого, спорящаго относительно этого мѣста Писанія; онъ, чтобы поразить зрителей по образцу театральныхъ зрѣлищъ, сбросилъ съ себя предъ народомъ покрывало, чего прежде никто не видалъ, и утверждалъ, что эти слова Апостола относятся къ Адаму, погребенному на лобномъ мѣстѣ, гдѣ былъ пригвожденъ ко кресту Господь. Лобнымъ мѣстомъ оно названо потому, что тамъ скрыта голова перваго человека. Такимъ образомъ во время пригвожденія Господа къ кресту, Онъ висѣлъ надъ могилою Адама и исполнилось пророчество, гласящее: *Встань, Адамъ спящій, и воскресни изъ мертвыхъ*, и не такъ, какъ мы читаемъ: ἐπιφάσει σοι Χριστός, т. е. *взойдетъ надъ тобою Христосъ*, по: ἐπιφάσει, т. е. *коснется тебя Христосъ*, это потому, что именно прикосновеніемъ самой крови и тѣла висѣщаго, онъ будетъ оживотворенъ и возстанетъ. И тогда по истинѣ осуществится тотъ образъ, въ которомъ мертвый Елисей воскресилъ мертваго (4 Цар. XIII). Я предоставляю свободному выбору читателя рѣшить: истинно ли это, или нѣтъ. Несомнѣнно, что тогда это сказаніе понравилось народу и было принято съ рукоплесканіями и пляскою. Я знаю только одно, что такое значеніе не согласно ни съ толкованіемъ этого мѣста, ни съ связью рѣчи.

Стихъ 15: *Итакъ, вы видите, какъ осторожно нужно ходить вамъ: не какъ неразумнымъ, но какъ премудрымъ.*—Ефесянамъ правильно говорится, чтобы они, имѣвшіе подготовленный умъ къ различенію добра и зла, ходили съ осторожностію и испытывая все, держались того, что твердо признали, какъ доброе. Но кто видитъ, какъ должно ему ходить и какъ осторожно подниматься на ступень, чтобы не споткнуться о камень, и кто говоритъ: *Господи, слово Твое есть свѣтильникъ ногамъ моимъ* (Псал. CXVIII, 105), тотъ конечно, мудръ; дѣйствительно, я не думаю, чтобы какой-ли-

бо неразумный отъ природы, хотя бы онъ и захотѣлъ ходить осторожно, могъ исполнить эту заповѣдь, потому что она дана премудрымъ, а не глупымъ. Изъ этого мы должны понять, что и нравственные заповѣди (хотя онѣ весьма многимъ кажутся ясными на основаніи того, что говорится въ восемнадцатомъ Псалмѣ: *Заповѣдь Господня ясна, просвѣщающая очи*) нуждаются въ разумномъ и осмотрительномъ толкованіи, ибо эта ясная заповѣдь просвѣщаетъ очи тѣхъ, которые, оставивъ неразуміе предадутся усердному изученію мудрости.

Стихъ 16: *Дорожа временемъ, потому что дни злые.*— Кто мудръ и потому ходитъ осмотрительно, тотъ дорожитъ временемъ. А дорожить (*или: покупаетъ*) потому, что дни—злы. Когда мы истрачиваемъ время въ совершеніи добраго дѣла, то мы покупаемъ его и усвояемъ себѣ то, что было продано по злодѣйству человѣческому. Но никто, ищущій необходимаго въ этой жизни и помышляющій о богатствѣ и заботахъ, которыя въ Евангеліи называются терніемъ (*Марк. IV, и Лук. VШ*), не можетъ снова купить себѣ времени. Но, выкупая время, которое является въ дняхъ злыхъ, мы нѣкоторымъ образомъ измѣняемъ его: и дни злые обращаемъ въ дни добрые, дѣлаемъ ихъ днями не настоящаго, но будущаго вѣка. Это мѣсто можетъ быть разъяснено и иначе. О, Ефесяне, вамъ, пробудившимся отъ сна вѣка сего, возшло Солнце правды—Христосъ. Ходите осторожно и благо-разумно и, отбросивъ неразуміе, держитесь мудрости, по которой вы можете не измѣняться съ измѣнчивостью времени, но разнообразіе времени дѣлать для себя однимъ временемъ. А такъ какъ поднимается много гоненій (ибо первоначально Церкви подвергались потрясеніямъ почти ежедневно), то вы держитесь одного теченія и знайте, что его должно сохранять, чтобы не измѣняться подобно глупому, какъ луна; но съ твердостію ума держитесь того, что однажды начали, именно, чтобы вы по волѣ судій не измѣнялись, если увидите су-

дію говителя; и, наоборотъ, если явится другой судія, похваляющій ваше ученіе, вы будете исповѣдать себя христіанами; но сохраняйте во всякое время то, что вы имѣете. Для того, чтобы это было яснѣе, представимъ нѣкоторый примѣръ изъ св. Писанія. Іосифъ имѣлъ одно стремленіе быть угоднымъ Богу. Оно не измѣнилось ни съ какою-перемѣною времени: ни вслѣдствіе зависти братьевъ, ни подъ тяжестію рабства, ни искушеніями юности, ни увѣщаніями госпожи, ни нечистою темницею, ни знатностію власти въ Египтѣ; но всегда онъ былъ одинаковъ, и, какъ мы сказали, выкупая себѣ разнообразіе времени, онъ злые дни обратилъ въ добрые. То же самое нужно думать и объ Іовѣ, потому что онъ, проводимый чрезъ различныя искушенія, ни богатствами, ни бѣдствіями, ни лишеніями, ни язвами, ни укорами друзей, ни одиночествомъ, ни возвращеніемъ, послѣ этого, всѣхъ благъ не подвергся измѣненію, ибо онъ искупилъ себѣ время и дни злые обратилъ въ добрые.

Стихъ 17: *Посему не дѣлайтесь неразумными, но разумѣйте, какова воля Божія.*—Такъ какъ время злое и, какъ мы выше сказали, должно быть искупаемо, то прежде должно искать премудрости, чтобы чрезъ нее имѣть силу познавать, какова воля Божія. Ибо мы не можемъ ходить осторожно, какъ только (nisi) напередъ уразумѣвъ волю Божію. Ибо въ каждомъ дѣлѣ прежде всего должно разсудить, что угодно Богу, и потомъ уже, имѣя сужденіе, дѣлать то, что будетъ признано, какъ угодное Ему.

Стихъ 18: *И не напивайтесь виномъ, въ которомъ невоздержанность, но исполняйтесь духомъ.*—Такъ же, какъ мы не можемъ служить двумъ господамъ: Богу и маммонѣ (Мф. VI), такъ мы не можемъ одновременно и наполняться духомъ и виномъ. Ибо кто наполняется духомъ, тотъ имѣетъ благоразуміе и кротость, стыдливость и чистоту; а кто наполняется виномъ, тотъ имѣетъ неразуміе, ярость, наглость и похоть. Въ дѣйствительности я полагаю возможнымъ обо-

значить это однимъ словомъ *невоздержаніе*. Если бы нѣкоторые это поняли, то никогда не обличили бы меня въ безразсудствѣ и ереси за то, что я въ книгѣ о соблюденіи дѣвства сказалъ, что юношамъ необходимо отказывать въ винѣ и что не должно бросать на огонь масла и увеличивать естественный плотскій пылъ очагомъ похоти. Но подѣ именемъ вина, въ которомъ невоздержаніе, можетъ быть понимаемо и то вино, о которомъ говорится въ пѣсни Моисея: *Вино ихъ ярость драконовъ и неисцѣлимое бышенство аспидовъ* (Втор. XXXII, 85), потому что всѣ, опьяненные помыслами вѣка сего, пьютъ и безумствуютъ, изbleвываютъ вино и бросаются въ пропасть; и, какъ говоритъ баснословный разсказъ о Лапифахъ и Кентаврахъ, стремятся къ взаимной гибели. Этому вину противоположно то, которое Господь обѣщалъ пить съ нами въ Своемъ Царствѣ (Марк. XIV). Мы неоднократно замѣчали, что слово *духъ* безъ прибавленія употребляется въ хорошемъ смыслѣ: кажется, что это должно быть замѣчено и относительно настоящаго мѣста.

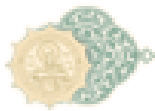
Стихъ 19: *Говоря себѣ самимъ въ псалмахъ и хвалебныхъ пѣсняхъ, и пѣсняхъ духовныхъ, поя и воспѣвая Господу въ сердцахъ своихъ.* — Кто будетъ воздерживаться отъ опьяненія виномъ въ которомъ невоздержность и вмѣсто этого будетъ исполненъ духомъ, тотъ все будетъ принимать въ духовномъ смыслѣ: псалмы, хвалебныя пѣснопѣнія и пѣсни. А какое различіе между псалмомъ, хвалебнымъ пѣніемъ и пѣснію объ этомъ мы весьма полно узнаемъ въ Псалтири. А нынѣ необходимо сказать вкратцѣ, что хвалебныя пѣснопѣнія провозглашаютъ крѣпость и величіе Божіе и всегда удивляются Его дѣйствіямъ, или благодѣяніямъ. Это и содержатъ всѣ псалмы, которые или начинаются, или оканчиваются возгласомъ: *Аллилуйя*. А собственно псалмы касаются нравственнаго дѣянія, такъ что мы чрезъ посредство тѣла познаемъ, что должно дѣлать и чего избѣгать. Но кто разсуждаетъ о вещахъ возвышенныхъ и, какъ утонченный

толкователь, разъясняетъ согласіе въ мірѣ, порядокъ и стройность всего сотвореннаго, тотъ поетъ духовную пѣснь. Но, впрочемъ (чтобы болѣе простымъ людямъ высказать болѣе ясно то, что мы хотимъ), псаломъ относится къ тѣлу, а пѣснь—къ душѣ. Итакъ, и воспѣвать, и восхвалять Господа мы должны болѣе духомъ, чѣмъ голосомъ. Вотъ это именно и говорится въ словахъ: *Пою и воспѣваю въ сердцахъ своихъ Господу*. Пусть слушаютъ это юноши, пусть слушаютъ это тѣ, которые несутъ служеніе въ церкви: пѣть Богу должно не голосомъ, а сердцемъ и не должно по образцу трагиковъ смазывать гортань нѣжными лекарствами, чтобы въ храмахъ слышалось театральное колебаніе голоса и пѣніе, но пѣть съ страхомъ, съ добрыми дѣлами, съ познаніемъ св. Писанія. Хотя кто-либо оказался бы и плохимъ пѣвцомъ (*κακὸς φωνος*), но если онъ имѣетъ добрыя дѣла, то онъ сладкій пѣвецъ предъ Богомъ. Если будетъ пѣть рабъ Христовъ, то нравится не голосъ поющаго, а слова, которыя произносятся, такъ что злой духъ, бывший въ Саулѣ изгоняется изъ тѣхъ, которые подобнымъ же образомъ подчиняются его власти. И не входитъ въ тѣхъ, которые изъ дома Божія дѣлаютъ народное зрѣлище.

Стихъ 20: *Всегда за все воздавая благодареніе Богу и Отцу во имя Господа нашего Иисуса Христа*.—Нѣчто подобное этому написано и въ первомъ посланіи къ Фессалоникійцамъ: *Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите* (1 Фессал. V, 16, 17). Эту заповѣдь можеть исполнять только тотъ, кто знаетъ, что промысломъ Божиимъ сохраняются пять воробьевъ, продаваемыхъ за двѣ мелкихъ монеты, изъ которыхъ ни одинъ не попадаетъ безъ воли Отца въ силокъ (Лук. XII). А слова его: *Благодаря всегда и за все* должно разсматривать съ двухъ сторонъ,—именно: чтобы мы во всякое время и за все, что бываетъ съ нами, приносили благодареніе Богу; чтобы не только за то, что мы почитаемъ, какъ благо, но даже и за то, что насъ гнететъ и

бываетъ противъ нашей воли, радостная мысль прорывалась въ похвалѣ Богу и мы говорили: *Нагимъ я вышелъ изъ чрева матери моей, нагимъ и отыду. Какъ было угодно Богу, такъ и было: да будетъ имя Господа благословенно* (Іов. I, 21). Это благодареніе у мужей благоразумныхъ замѣтно и вообще, и въ частности. Вообще это тогда, когда мы благодаримъ Бога за то, что для насъ восходитъ солнце, течетъ день, ночь обращается въ отдохновеніе, съ восходомъ и заходомъ свѣтилъ происходитъ непрерывная смѣна времени (года); за то, что намъ служатъ дожди, земля рождаетъ, составныя части міра (elementa) повинуются; за то, что дано такое множество разнообразныхъ животныхъ, какъ для перевозки, такъ и для работы, какъ для изготовленія одежды, какъ для подражанія, такъ и для удивленія; наконецъ, и за то, что мы родились, что мы существуемъ, что въ мірѣ мы встрѣчаемъ заботу о себѣ, какъ бы въ нѣкоторомъ домѣ могущественнѣйшаго отца семейства и сознаемъ, что все, существующее въ мірѣ, создано ради насъ. А, въ частности, когда мы воздаемъ благодареніе Богу за благодѣянія оказываемыя намъ. Но это дѣлаетъ и иноплеменикъ, и Іудей и сборщикъ податей (мытарь), и язычникъ. Только христіанамъ свойственна добродѣтель воздавать благодареніе Создателю даже въ томъ, что кажется намъ неблагопріятнымъ, если, напримеръ, разрушится домъ, если возлюбленнѣйшая жена и дѣти попадутъ въ плѣнъ, или будутъ отравлены, или претерпятъ гибель на морѣ; если мы потеряемъ богатства вслѣдствіе описи, если здоровье подломится отъ безчисленнаго множества болѣзней и всегда возможной слабости при несчастной болѣзни ногъ. Тѣ, которые видятъ въ себѣ людей болѣе святыхъ, обыкновенно возсылаютъ благодаренія Богу за освобожденіе отъ опасностей и несчастій. А по слову Апостола величайшая добродѣтель въ томъ, чтобы въ самыхъ опасностяхъ и несчастіяхъ возсылать благодареніе Богу и всегда говорить: „Благословенъ Богъ! Я знаю, что терплю

меньше, чѣмъ заслужилъ: этого мало сравнительно съ нашими грѣхами; мыѣ воздается не по достоинству“. Вотъ это духъ Христіанина; онъ, взявши крестъ свой, слѣдуетъ за Спасителемъ; его не ослабляютъ ни лишенія, ни страданія; его, какъ говоритъ [Горацій] Флаккъ, „безтрепетнаго будутъ нести развалины, если бы даже сталъ разсыпаться разбитый міръ“. А кто, какъ мы выше сказали, воздаетъ благодареніе Богу и Отцу, пусть воздаетъ его чрезъ Посредника между Богомъ и человѣкомъ, т. е. Іисуса Христа.

Стихъ 21: *Подчиняясь взаимно въ страхъ Христовомъ*.—Пусть это слушаютъ епископы, пусть это слушаютъ пресвитеры, пусть слушаетъ это и весь чинъ учителей,—они подчинены своимъ подчиненнымъ и пусть подражаютъ Апостолу, который говоритъ: *Ибо хотя я былъ свободенъ отъ всего, но для всѣхъ себя самого сдѣлалъ рабомъ, чтобы всѣхъ приобрести* (1 Корнѣ. IX, 19); и въ другомъ мѣстѣ: *Чрезъ любовь служите другъ другу* (Галат. V, 13). Поэтому и самъ онъ съ такою же любовію служить всѣмъ Церквамъ изъ язычниковъ. Также и Спаситель принялъ видъ раба, такъ что прислуживалъ ученикамъ Своимъ и умывалъ ихъ ноги (Іоан. XIII). Между первенствующими изъ язычниковъ и Христіанъ различіе состоитъ въ томъ, что первые господствуютъ надъ подчиненными, а мы служимъ имъ, и мы бываемъ тѣмъ выше, чѣмъ меньшими изъ всѣхъ кажемся. Но и слова его: *Въ страхъ Христовомъ* должны быть понимаемы такъ, что и самое подчиненіе должно быть не ради славы человѣческой, а ради страха Христова, такъ какъ мы боимся оскорбить Его. Впрочемъ, кто-либо другой будетъ разъяснять слова: *Подчиненные взаимно въ страхъ Христовомъ* такъ, что это общее сужденіе будто бы въ дальнѣйшей рѣчи раздѣляется на части: *Жены пусть повинуются своимъ мужамъ, дѣти, повинуются родителямъ и: Рабы повинуются господамъ плотскимъ въ страхъ и трепетъ*. Но, по нашему мнѣнію, должно подчиняться не только такъ,

чтобы жена подчинялась мужу, дѣти родителямъ и рабы господамъ, но и такъ, чтобы взаимно были подчинены мужья—женамъ, соотвѣтственно обязанности, которая заповѣдана, отцы—дѣтямъ, чтобы они оставили угрозы и доставляли имъ необходимое изъ того, что имѣютъ; и чтобы дѣлалось это въ страхѣ Христовомъ, т. е., чтобы, какъ Онъ былъ въ послушаніи у рабовъ Своихъ, такъ и тѣ, которые, повидимому, являются бѣльшими, подчинялись меньшимъ себя въ служеніи, которое имъ повелѣно. Мы можемъ понимать этотъ страхъ и въ значеніи *εὐλαβεία*, т. е. робкая почтительность, которая болѣе близка къ любви. Ибо Ефесянамъ было непристойно, чтобы они что-либо дѣлали изъ страха, а не изъ любви.

Стихи 22, 23: *Жены пусть будутъ подчинены своимъ мужьямъ, какъ Господу: потому что мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ—глава Церкви.*—Прибавленнаго въ латинскихъ спискахъ *да будутъ подчинены* не имѣется въ греческихъ собраніяхъ св. книгъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти слова относятся къ высшимъ и подразумѣваются: *Взаимно подчиненные въ страхѣ Христовомъ*, такъ что вообще слѣдуетъ, что подчиненными должны быть и жены мужьямъ своимъ такъ, какъ Господу. Но это болѣе понятно на греческомъ, чѣмъ на латинскомъ языкѣ. Итакъ, какъ Церковь подчинена Христу, такъ и жена должна быть подчинена своему мужу; дѣйствительно, какъ Христосъ имѣетъ первенство и служеніе въ Церкви, такъ и мужъ, и жена подчиняются тому же порядку. Но должно видѣть, что какъ союзъ въ Христѣ и Церкви святъ, такъ же свято и единеніе въ мужѣ и женѣ. Но какъ не всякое еретическое сборище можетъ назваться Церковію Христовою и имѣть своимъ главою Христа, такъ и не всякій брачный союзъ, составленный не въ подчиненіи своему мужу по заповѣдямъ Христовымъ, можетъ правильно именоваться супружествомъ: скорѣе это прелюбодѣяніе. Но иначе подчиняется жена мужу, какъ господину, потому что къ нему обращеніе ея, и онъ будетъ господство-